

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн
Крутой характер
Серия «Рыжие, гнедые,
серые, вороные...», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2548105

Аннотация

«Другие коннозаводчики и владельцы обычно докладывали крупно, а то прогорали. А вот Телегин на одних призах себе крупное состояние сделал. Лошадей своих Телегин не любил продавать. „Ну зачем я продам лошадь, если мне ее жалко. Как расстанешься, если я ее еще как утробного жеребенка любил? Это – как матери отдать одного из сыновей в солдаты. Какого отдашь? И Сенюшку жалко, и Колюшка мил, и Петенька больно утешен. А мне зачем? Слава богу, одет, обут, сыт. Двух обедов не съем, двух штанов на себя не натяну“. И очень часто из этой ревнивой жалости отказывал он очень выгодным покупателям. А давали ему иногда за жеребенка-двухлетку до сорока тысяч тогдашними, золотыми российскими рублями, – целую гору! За лошадьми с кровью Могучего тогда все владельцы конюшен и коннозаводчики гонялись наперегонку. И надо сказать, все его потомство было резво и красиво до умопомрачения...»

Александр Иванович Куприн Крутой характер

Другие коннозаводчики и владельцы обычно докладывали крупно, а то прогорали. А вот Телегин на одних призах себе крупное состояние сделал. Лошадей своих Телегин не любил продавать. «Ну зачем я продам лошадь, если мне ее жалко. Как расстанешься, если я ее еще как утробного жеребенка любил? Это – как матери отдать одного из сыновей в солдаты. Какого отдашь? И Сенюшку жалко, и Колюшка мил, и Петенька больно утешен. А мне зачем? Слава богу, одет, обут, сыт. Двух обедов не съем, двух штанов на себя не натяну». И очень часто из этой ревнивой жалости отказывал он очень выгодным покупателям. А давали ему иногда за жеребенка-двухлетку до сорока тысяч тогдашними, золотыми российскими рублями, – целую гору! За лошадьми с кровью Могучего тогда все владельцы конюшен и коннозаводчики гонялись наперегонку. И надо сказать, все его потомство было резво и красиво до умопомрачения.

Был раз такой случай: поставила на Московском ипподроме его лошадка, всем известная рыже-золотая Искра, все-российский рекорд, 2 м. 7 1/2 секунд, побивши старый рекорд на целую секунду с четвертью. Не только Николай Ва-

Сильевич был доволен – всем коренным москвичам это было праздником. Редко, когда любили знатоки лошадь так нежно и привязчиво, как любила Москва красавицу Искру. Ведь вся ее блестящая карьера прошла на Ходынском поле. И не так за красоту ее обожали, и не за постоянные успехи, как за неизъяснимую прелесть ее наружности, бега и характера, подобно тому как обожали и коноплинскую лошадь Прости.

Верите ли, – никогда она не нуждалась ни в посыле, ни в хлысте. То, что могла она сделать, она радостно и усердно делала в полную меру своих сил, без всяких капризов или фантазии.

Право: ехать на ней было как-то даже жалко. Так казалось, будто ты, большой, тяжелый, неуклюжий, едешь на изящном, легком, умном человеке.

Именно такое чувство испытывают русские, когда впервые едут на японце-рикше. И кротость этой чудесной лошади была какая-то женская или детская, во всяком случае, человеческая.

Вот таков же был, говорят, знаменитый французский стипльчезный крэк Heros XII... Жокей Митчель за всю долгую жизнь этой лошади ни разу не коснулся ее хлыстом. А ведь препятствия в Autenil – вторые после Ливерпульских по серьезности и опасности.

И вот, после того как наездник, ехавший на Искре, уже вернулся с весов, а победительницу, надевши на нее попонку, проваживали после усиленного бега, взошел Николай Ва-

сильевич в членскую беседку. Навстречу ему приветствия, поздравления, протянутые бокалы с шампанским.

Тут же один из видных членов возьми и брякни словечко невпопад. Ведь знал же он резкий характер Телегина!

Был это Брежнев. В лошадином деле считался он вроде как не у шубы рукав или, иначе, пришей кобыле хвост. Но по натуре был он красив, беззастенчив, а с женщинами даже нагл. Женившись на очень богатой купеческой вдове, выбрался он из ничтожества в семью замоскворецких толстосумов. А еще больше питала деньгами, без отказа, всякую его взбалмошную затею старая мать жены, архимиллионерша, тоже вдова, известная даже среди московских просвирен под прозвищем «бабушка».

При таких-то сдобных условиях не трудно было Брежневу щеголять отличной беговой конюшней, которую обслуживали лучшие тренеры и первые наездники. Но сам он в городе был нелюбим за форс и за развязность. Вот он-то и закричал навстречу Телегину:

– Слышь, Николай Васильевич, при свидетелях говорю, продавай кобылу. Любую цену дам, какую запросишь. Телегин вдруг покраснел и весь напрягся.

– Не купить тебе, – говорит. – Продай всю свою конюшню да кстати и жену с бабушкой, а Искры тебе, как ушей своих, не видать.

Кругло было это сказано. Беговые тузы даже крикнули от удовольствия. Думали, что баталия произойдет. Но Брежнев

ничего... съел...

Однако изредка бывали обратные случаи, когда Телегин проявлял неожиданную мягкость и уступчивость.

Однажды наездника Черкасова вызвали спешно в Мраморный дворец.

Оказывается, ждали его два молодых князька, двое Константиновичей, тогда еще кадеты и по дяде своему, великому князю Дмитрию Константиновичу, начальнику Государственного коннозаводства, страстные поклонники конской охоты.

– Посмотрите, пожалуйста, какого мы рысачка купили. Скажите по совести, напрямик, ваше мнение.

Черкасов пошел с ними в конюшню, посмотрел рысачка и сказал:

– Раз вы, ваши высочества, от меня истины потребовали, то извольте: лошадь никуда не годится. Вислозада, коротка, узка, с коротким дыханием, на все четыре ноги тронута. Одно лишь есть качество – нарядна; но в работе сразу распухнет и осядет. Обманули вас. Всучили одра.

Просто жалко смотреть, как огорчились милые молодые люди... Один говорит:

– Мы хотели наши два автомобиля продать, но папа не позволил. А другой сказал:

– На пасху мы опять будем богаты. Скажите, Черкасов, можно ли у Николая Васильевича Телегина купить за десять тысяч порядочную лошадь? Телегин ведь, конечно, не обма-

нет.

Черкасов сказал, что попробовать, во всяком случае, можно. Важно лишь – какой стих найдет на Николая Васильевича. И действительно, написал о княжеской просьбе в Москву, Телегину.

Великим постом приехал Николай Васильевич в Петербург по тамошним беговым делам.

Занимался он как-то с Черкасовым вечером по конюшенной отчетности и вдруг вспомнил:

– Писал ты мне о княжатах, Константиновичах. Расскажи подробно.

Черкасов рассказал. О том, как их с рысаком надули жестоко, о том, как они свои автомобили продать ладили, о просьбе поговорить с Телегиным. Николай Васильевич улыбнулся:

– Охота смертная, да участь горькая. Ну что ж, надо мальчикам удружить. Все они, Константиновичи, в дедушку пошли: просты, доступны, ласковы. Их любят. И беднее всех других великих князей. Надо сделать юношам удовольствие. Давай-ка список просмотрим.

Тут и начались телегинские терзания. Ни с одним из рысаков он расстаться не может. У того отцовская кровь уж очень ценна, у другого дедушка был замечательный призер, та лошадь уже показала себя, другая – еще покажет. Этот жеребец в Могучего пошел, эта кобылка на Ириса похожа. Словом, как ни замахнется хозяин на какое-нибудь имя, так сейчас

рука с карандашом опускается. А у Черкасова был заранее намечен один жеребчик по имени Ореол. Раньше он ничем не выделялся, так себе, середина наполовину, но на последних прикидках в черкасовских руках стал постепенно показывать хороший ход и обещающую резвость. Дошла очередь до Ореола. Телегин задумался:

– Ореола разве?

А Черкасов равнодушно:

– Про него ни дурного, ни хорошего сказать нельзя. Пороков нет. Бежит лошадь, но это не Ирис и не Лавр. Трехлетком на верстовом заезде мало чего показал.

– А ну и дадим Ореола. Да и что с мальчуганов драть сразу десять тысяч? Им на конфеты ничего не останется. Так ты распорядись, чтобы расплата шла из призов, которые Ореол возьмет. Да от меня поклон княжатам передай.

И что же вы думаете? Одними весенними призами Константиновичи с Телегиным поквитались.

Оказал себя Ореол первоклассным рысачком. Телегин как-то потом сказал, шутя, Черкасову, когда речь зашла об Ореоле:

– Признайся, Николай Кузьмич, обвел ты меня тогда с Ореолом вокруг пальца?

– Был тот грех, Николай Васильевич. Мальчики уж больно симпатичные. Да и любовь к лошадям такая горячая...

– Да ладно, ладно. Рад, что рысак в хорошие руки попал.

Телегин широко на беговое дело смотрел. Это была для него не личная забава, не утеха гордости или тщеславия, не прибыльное занятие. Нет! Лелеял он грандиозные мысли во всероссийском патриотическом плане. Давнишней мечтой его было устроить новый строго нивелированный ипподром, но не в столицах, а где-нибудь на юге, в Одессе, например, или в Севастополе, где воздух теплее, и легче, и насыщеннее кислородом от близости моря, где нет северных тяжелых атмосферных давлений.

– Там, – говорил он, – русский рысак в условиях, недалеко от калифорнийских, утрет нос американским рысакам и покажет себя в истинном блеске.

Вот оно – дело государственное!..